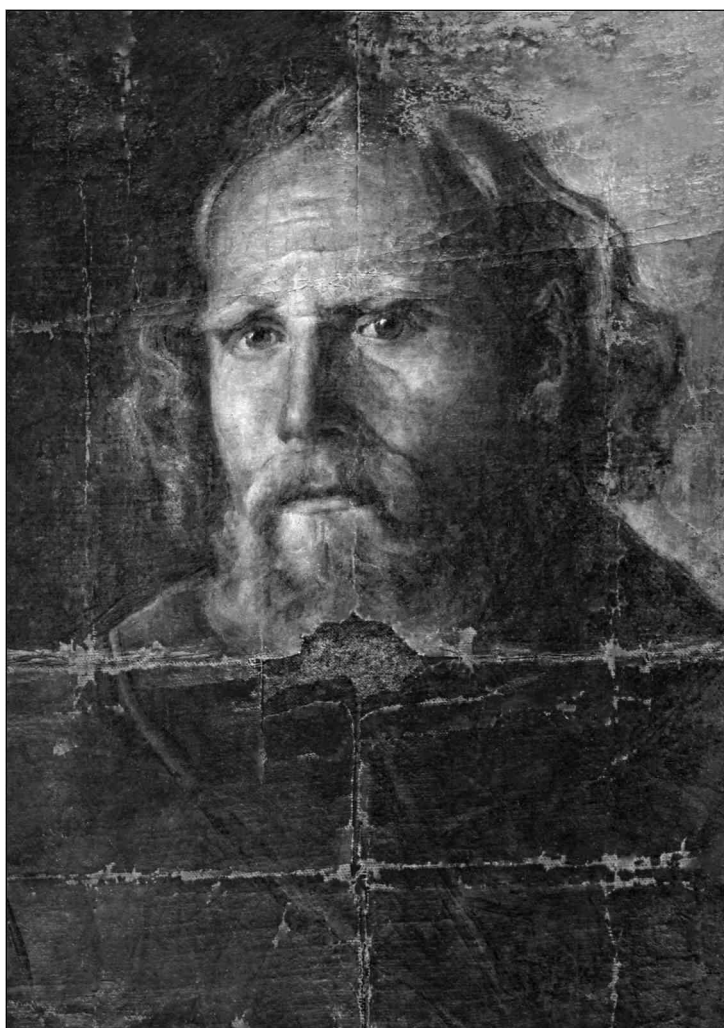

19 января (1 февраля)

Священномученик
Николай (Восторгов)

Священномученик Николай родился 21 ноября 1875 года в селе Никологорском Вязниковского уезда Владимирской губернии в семье псаломщика Евдокима Восторгова. Получив образование во Владимирском духовном училище, Николай стал служить псаломщиком в Николаевском храме на погосте Горицы. Вот как описал впоследствии этот период своей жизни отец Николай в назидание детям.

«Как всем это известно, что родина каждому мила, так, может быть, и я восхваляю свою родину лишь только потому, что всю молодую отроческую жизнь провел среди своих родных и знакомых, и потому только она мне мила, а, быть может, для другого она ни чего не представляет особенного и умилительного. Но, между прочим, я, пишущий сии строки, хочу описать свою родную сторонку; быть может, в часы досуга, в которые сын или дочь мои возьмут в руки сию тетрадь, и, прочитавши, вспомнят меня и помянут на своих святых молитвах.

Портрет священника Николая Восторгова

Родился я 1875 года, ноября 21 дня, в селе Никологорском Вязниковского уезда Владимирской губернии, родитель мой был псаломщик Христорождественской церкви Евдоким Михайлович Восторгов и мать Анна Александровна. Самое детство я вовсе не помню, но зато прекрасно помню с девяти лет, тогда как меня родитель готовил на экзамен во Владимирское духовное училище. По окончании сельской школы мне отец объявил, что 16 августа повезет меня во Владимир, и тогда мне впало в голову, что скоро-скоро придется расстаться со всей своей природой милой, как-то: садом, рощей, речкой, полем и лужками, где резвился со своими товарищами, а главное, никогда я не мог смириться с расставанием со своими родителями и сестрами. В семействе меня очень любили, так как я из всей семьи был один только сын, а были четыре сестры, и вот потому-то меня очень любили, но надо сказать, что баловства никакого мне не позволяли, так как отец и мать были очень религиозные и строгие в дело, но никак не зазря. Никогда они не позволяли мне и прочим сестрам, чтобы прогулять всенощную или проспать заутреню и обедню, это было недопустимо. Хотя действительно, иногда и не хотелось вставать рано, но, боясь гнева родителей, встаешь и идешь. В конце концов, как остаюсь благодарен за это и всегда вспоминаю своих родителей за их доброе воспитание, которым пользуюсь я и в настоящее время, воспитывая своих детей.

Итак, чем ближе шло время к отправке, тем мне становилось скучнее и, чувствуя в недалеком будущем разлуку, не отлучался от своих родителей никуда, а куда они, туда и я, оставил всех своих товарищей и увлекся только собой. Отец и мать в поле с серпом – и я с ними, они в лес за грибами – и я, они в поле с сохой – и я с ними. Одним словом, был всегда на глазах у родителей. Но вот пришло самое время отправки, смотрю на мать, которая заботится о брашном, то есть печет лепешки, кладет яиц, масла и белья, ну, думаю, знать надолго расстаеться и придется ли видеться; впало в голову, а ну как да я уеду, а они помрут, и невольно становится жутко и грустно.

Расстояние от села до вокзала восемь верст, поезд во Владимир идет в 11 часов ночи. Часов в 7-8 отец начал запрягать лошадь и, запрягши, взошел в дом, приказал одеваться, и, одевшись, присели, а потом встали, помолились Богу и начали все родные прощаться со мной, и тут-то я не утерпел и заплакал. Мать моя поехала с нами вместе.

Приехавши на вокзал, мать нас с отцом оставила, а сама отправилась домой. Я стал задумчив, вспомнилось мне мое село родное, вспомнились мне поле, луга, лес, речка, дом, сад и храмы Божии, которых у нас три очень больших, звон колокола, который славится своим приятным баритоном, всё-всё перебрал – и так мне стало грустно и жалко, что я, забившись в угол, чтобы никто не видал, заплакал. Когда пришел поезд, мы с отцом, забравши все свои вещи, поспешили занять место в вагоне.

Когда поезд тронулся, мы с отцом перекрестились, и – прощай, прощай, моя сторона родная, и чем дальше заносился я мыслью, тем дальше поезд мчал нас от родных краев. И вот все знакомое скрылось из глаз, все незнакомое стоит в глазах, и ничто уже не стало мне интересно, не стал глядеть и в окно. Смотрю на отца, и он сидит задумчив, вероятно, тоже думает, как сойдет мой экзамен, тогда и я уже перестал думать о доме, стал думать, как явлюсь на экзамен и как Господь поможет мне выдержать.

Около двух часов ночи приехали во Владимир, который я еще не видывал; пробывши на вокзале до рассвета, пошли в город прямо в Успенский собор,

который славится по старине и святыней: в нем почивают мощи святых благоверных князей Георгия, Андрея, Глеба и многих под спудом и чудотворной иконой Божией Матери Владимирской. Как было мне приятно побывать в первый раз в таком величественном храме и видеть своими глазами все находящиеся в нем святыни. С каким трепетом и страхом и усердием прикладывался к мощам, прося у них помощи, чтобы выдержать экзамен. Да, действительно, сильна была детская вера в то время. О, если бы такая и осталась бы до дня смерти! Забыв все домашнее и всех и вся, с таким чувством, с таким усердием, с таким упованием на милость Божию, даже не чувствуя никакой усталости, простоял раннюю литургию, затем отправились в Архиерейский монастырь, где застали еще на конце также раннюю литургию и, тут достоявши, приложились к гробнице, в коей почивали мощи святого благоверного князя Александра Невского. После сего направились за реку Лыбедь, где находилось духовное училище.

Увидев величественное здание с надписью «духовное училище», сердце затрепетало, как будто бы в чем я провинился, и напал страх, что весь так и дрожу, и сам не понимаю, что и почему вдруг напал такой страх и трепет. Отец, как испытывший все это, уговаривал меня не страшиться и ничего не бояться, а быть смелым и резвым мальчиком.

Когда вошли в класс, мне все казалось новым, не так как в наших сельских школах, сидеть нужно было смиренно, не вертеться, не глядеть по сторонам, слушать, что объясняют, – одним словом, порядок во всем. Тишина, порядок, как будто в классе никого не было; как говорится, муха пролетит – все слышно. Вот входят экзаменаторы во фраках с золотыми пуговицами, сам смотритель и с ним преподаватели; прочитавши молитву и помолившись, раскланялись и приказали всем сесть. Начали вызывать по три мальчика к столу по алфавиту, дошла очередь до меня, и я вышел с робкой поступью. Стали спрашивать каждый по своему предмету, я по всем отвечал очень хорошо, и так кончились приемные экзамены в 1-й класс; через день велено было явиться на перекличку, кто принят, кто нет.

В этот период мы с отцом отыскивали квартиру, где уже и поселились как дома. В часы досуга ходили в город с отцом, который мне все показывал, объяснял, и мне было очень интересно смотреть на достопримечательности и здания разных больших домов, училищ и учреждений. Так прошли эти деньки и часы; являемся на перекличку, и что же оказалось: меня вместо 1-го класса приняли в приготовительный, так как я был очень молод годами. Досадно было мне, да и отцу тоже, но делать было нечего, годов не прибавишь. Одно только было утешение отцу, что принят, так как многим было отказано в приеме до следующего года. Итак, я стал уже ученик не сельской школы, а Владимирского духовного училища, и это для меня было что-то великое и интересное.

По окончании приемных экзаменов было объявлено всем явиться к молебну в училищную церковь. Когда все собрались, ударили в колокол, и все школьники двинулись к дверям храма; в храме все были расставлены в ряды: в первых рядах стояли мальчики более менее с малым возрастом, далее выше и выше. Так было это интересно и красиво глядеть на образцовый порядок, что забыл про все, только и ждал, вот-вот начнется молебен, станем все петь. И действительно, растворились царские двери, и вышел священник в хорошем облачении, в синих очках, приятной наружности – это был отец Феодор Делекторский, который впоследствии был переведен в город Меленки. Когда священник начал молебен, то все стали петь молитву Святому Духу “Царю Небесный”, даже из числа предстоящих, то есть наших родителей. Смотрю в

публику и вижу своего седенького старичка-отца, который тоже подпевал и молился со всяким усердием и чистым сердцем о ниспослании Духа Святого на учеников и благодати познания в учении. Глядя на него, невольно потекли слезы, что приходит уже минута расставания на долгое время, и Бог весть, еще увидимся ли, так как отец был здоровьем слаб. По окончании молебна стали подходить ко кресту по очереди, и каждого отец Феодор кропил святой водой со словами: “Благодать Святаго Духа”. Тут-то уже я понял вполне, что будет, – отгуляли лето, пришла пора заняться и делом.

Прийдя на квартиру, отец объявил, что отправляется восвояси, так как проживаться понапрасну нет смысла, да и средства уже все повысохли, даже не осталось на дорогу, и ему, старику, пришлось идти 150 верст пешком.

Это меня сильно взволновало, как он пойдет в такое расстояние, а вдруг что с ним случится по пути! И слезы полились ручьем. Отец всячески утешал меня, уговаривал, но я не обращал никакого внимания на его уговоры – шел с ним городом и плакал, плакал безутешно. Прошедши весь город и зашедши за заставу, отец простился со мной, прослезился так же и, благословив, сказал: “Иди с Богом на квартиру, не скучай, я после Покрова приеду навестить тебя”. Я, несколько утешившись этим, пошел домой и часто оборачивался назад смотреть вслед отцу, и долго-долго смотрел, пока он не исчез из моих глаз.

Трудно было мне привыкать на квартире, не видя знакомых и близких, но ведь надо же было привыкать, и постепенно стал забывать и увлекаться своим делом, держа в памяти, что через месяц, ну два, отец приедет ко мне, как он сказал на прощание, и тем успокоился, забыв обо всем.

Лишь только привык к квартирной жизни, проживши месяц, получаю извещение из училищного правления о переводе меня с квартиры в общежитие. Я, с одной стороны, был рад и, с другой, что-то робел – надо опять привыкать к новой обстановке. Забравши все, что у меня было, отправился в общежитие, и там меня все ученики приветствовали: новичок, новичок, – кто, конечно, от души, а кто и с насмешкой, и все нужно было переносить. Спрашивали, кто, откуда, из какого класса, чей сын, есть ли отец, мать и прочее. Частенько от старших учеников ни за что ни про что попадало, и все нужно было переносить. Это так водилось в бурсе, на первых порах узнавали: что-де от него будет! Не пойдет ли жаловаться к надзирателю или к кому-либо из начальствующих. Посылали с копейкой в лавку купить рыбьих ножек, и лавочник, уже зная это, нащипывал от метлы прутиков, завертывал в бумажку и давал в руки покупателю, который приносил пославшему, и тот, развернувши бумажку, смеючись, кидал по одной палочке, говоря: “Ты чего принес, давай назад копейку”. А ее и нет. Что тут делать? Бежишь обратно в лавку и объясняешь лавочнику, тот, улыбнувшись, берет копейку и отдает обратно, говоря: “Ты новичок?” – “Да”, – отвечаешь ему. “Так вот, друг милый, больше за рыбьими лапками не ходи, быть может, пошлют еще за птичьим молоком, то еще горше тебе будет, а за молоком с 20 копейками, а на базаре у тебя деньги возьмут и нальют тебе какой-нибудь воды. И тогда уже ты не получишь деньги обратно, придется платить свои. Знай, что у рыбы лапок нет и птица молока не имеет, тогда от тебя отстанут и не будут больше посылать и смеяться, и будешь уже не новичок, а как старичок. На все нужна привычка и терпение”.

Присмотревшись и привыкнув к обстановке, завел по себе товарищей, стало весело и хорошо, очень понравилось быть в корпусе. Чистота образцовая, пища хорошая; койка, матрац, простыня, одеяло и белье – все чистое, одним словом,

роскошь, чего еще нужно? Одного не хватало: не было денег. Товарищи берут и того и другого, а я нет. Стало завидно на них, но думаю сам себе, скоро приедет ко мне отец, привезет мне и денег, и лепешек, и всякой всячины, тогда будет и на моей улице праздник. Дни идут за днями, прошел и Покров жданный, но, увы, отца нет! Вдаюсь в тоску и разного рода размышления, как, что и почему. Жду, жду, всё нет! Проходит и Казанская – тоже нет, начинаю тайком плакать, и ученье нейдет на разум, представляется, что отец болен, потому и не едет, или мать, – одним словом, лезла в голову всякая чепуха. Но в конце концов смирился со всем и перестал думать. Ни о чем уже не думавши, вставши утром как по обычаю в 5 часов, отстоявши утренние молитвы, отправляюсь до уроков в класс повторять выученные уроки. И вдруг дежурный по классу выкликает меня по фамилии, что тебя спрашивают. Я опрометью бросился бежать и, к моему счастью, вижу сидящего седенького старичка, моего отца; сердце мое екнуло от радости, даже заплакал, и тут-то было у меня радости, не могу и описать. Наконец-то дождался, думаю сам себе. “Почему долго не приезжал, все ли живы и здоровы?” И, получив удовлетворительный ответ, возрадовался духом. Стал разворачивать узел, и тут-то всякой всячины было напечено, лепешки, яблоки, яйца и всякого рода пряности; уложив все в сундук, пошел на занятия, а отец по своим делам в город. Тогда стали меня все спрашивать, кто к тебе приехал, что привез, поделись со мной, со мной и со мной. Я действительно от своей юности и до сих пор был добрый, давал и направо и налево, за что получал большое спасибо и защиту от всех и пользовался большой популярностью от старших. Побывши у меня дня два, отец отправился обратно, сказав, что скоро и ты сам приедешь на святки, и я уже так не скучал, как в первый раз. Значит, стал уже поумнее и рассудительнее.

Стоял уже на дворе декабрь, а снегу все не было. Вот приблизился мой день Ангела, то есть 6 декабря, я со своими товарищами сверстниками и тезками отпросился у инспектора протоиерея Иоанна Мартыновича Вишневецкого ко всенощной в Архиерейский монастырь, где служил сам владыка архиепископ Феогност. Как было для меня интересно видеть в первый раз владыку, его службу и хорошее пение; так и казалось, что я стою не на сем земном пространстве, а как будто там где-то, в ином мире. Забыв обо всем земном, углубился в молитву и так усердно молился, что диво было самому, как рука сама произвольно поднималась для изображения на себе креста. Отстоявши всенощную, отправились в корпус. Наутро обедню уже стоял в своем училищном храме, где вынули просфору за мое здравие и родителей. Со спокойным сердцем и душой отстоял литургию, после коей, попивши чаю и закусивши, отправился в город погулять и посмотреть разного рода диковины.

Подходя к Золотым воротам, увидел в магазине всякого рода игрушки и стал пожирать глазами, думая себе, вот бы мне приобрести это, и это, и это, – что бы было радости у моей сестренки, которая была постарше меня годами, – но, увы, денег нет, значит, и дела нет, приходится довольствоваться тем, что глазами вижу. Погулявши в городе, отправился домой на занятия. Смотрю, все ученики были заняты рисованием отпусков. Рисовали кто как мог. Иной на каждую букву брал лист, иной пол-листа, иной четверть и писали по-всячески “отпуск” и прилепляли на стенах. Одним словом, все были заняты одной мыслью о доме и родных, что скоро-скоро поедем на святки в свои родные края, где не были четыре месяца.

Вот пришел и канун отпуска; мы все почти всю ночь не спали, разговаривали в спальнях о том о сем, а кто сам засыпал или спал, тому под нос клали табак

нюхательного, и тот, конечно, невольно начинал чихать, и уже сон от него уходил. И так до самого утра не спавши, попивши чаю, отправлялись на уроки в классы, где, конечно, ученья не бывало, а только дожидались надзирателя, который должен прийти и раздать всем ученикам отпускные билеты, в которых были выставлены баллы успехов и поведения. Наконец, растворились двери нашего класса, и входит с пачкой листов надзиратель, по алфавиту вызывает к столу и начинает читать лекцию, как должен вести себя ученик в родительском доме во время каникул; по прочтении лекции вручает билет, ему поклон – и из класса без оглядки вон.

Чего, чего не увидишь в это время: кто плачет, кто скачет, кто поет, кто дерется, кто борется, кто собирается, а кто уже сел в бричку и катит на лошадке с веселым настроением, что едет домой, знать ничего не хочет – давай дорогу.

Мне, как дальнему, нужно было дожидаться до двух часов ночи поезда, и я шатался по городу, а в 10 часов отправился на вокзал.

На вокзале было полным-полно, и всё больше учащиеся, то семинаристы, то гимназисты, то реалисты и других учебных заведений. Вот открылась касса, тут-то радости было, что вот-вот прибежит железный конь и заберет нас всех и умчит туда, куда нужно. По выправке билета долго ждать не пришлось. Катит наш на всех парах, и звонок, и свисток, и конь как вкопанный стоит: пожалуйста садиться. И все бросились на площадки вагонов занять места, и когда уселись, стала нас брать дрема: что же долго думать, взял да и заснул, где нужно слезать, на то есть кондуктор, который перед каждой остановкой кричит, кто едет до такой-то станции, припасайтесь слезать. Ехать мне нужно 4 часа, и я вполне могу соснуть, и сплю спокойно; не доезжая одной станции, просыпаюсь, начинаю забирать свои пожитки и выхожу на площадку вагона и смотрю свои знакомые места. Сколько радости было – нет конца. Вот паровоз дал свисток за версту до станции, остается последняя минута, и увижусь с отцом-старичком, который уже вышел на платформу для встречи. И вот показались огни на станции, поезд убавил ход, и появилась платформа, на которой, смотрю, стоит седенький старичок в тулупе с перевязанными ушами и подпоясан кушаком. Свисток, и поезд стал.

Спрыгнувши с площадки, бегу к отцу; тот, увидавши, начал целовать, взял мою сумку и прямо на вокзал, где дает мне валеные сапоги и надевает тулуп. Одевшись, выходим с вокзала, подходим к лошади, отец усадил меня как барина, сам на облучке, и покатили. К несчастью нашему, в этот год снегу не было до самого Рождества, и пришлось ехать на колесах, но когда поехали, поднялась такая буря со снегом, что зги не видать. Я, закутавшись в тулуп, прижавшись в уголок, забыв обо всем, задал такого храповицкого, что и не видал, как подъехали к дому. Отец остановил лошадь, я проснулся и вижу – вышли встречать мать и сестры. Я выскочил из телеги и со смехом от радости вбегаю в дом, где мне показалось как будто все ново; и точно, все стало низко, очевидно, я за четыре месяца поднялся ростом. Тут начались расспросы: как учишься, как живешь, хорошо ли в корпусе и тому подобные. Наконец-то я дома, думаю сам себе, куда хочу, иду, что хочу, то делаю, никто мне не указ. Одним словом, на полной свободе, значит, погуляем и покатаемся с гор на салазках с бывшими товарищами, словом, заблагодушествовал.

Время летело незаметно. На Рождество ходил с отцом по приходу славить, ездил по деревням. Пришел и Новый год, на который с сестренками рядились, пели песни и всякого рода развлечениями занимались вовсю, как говорится. Вот пришло и Крещение, так скоро – и не видал, как время пролетело. Смотрю, мать

печет сдобные лепешки, думаю сам про себя, хоть бы и не надо их, только бы не ехать назад учиться, а быть бы в кругу своих родных. Но, зная, никак не миновать этого, надо ехать. И вот на другой день Крещения, вечером часов в восемь прощаюсь со всеми домашними, сажусь в сани со слезами на глазах – и поехали.

Так время все шло и шло, тут отпустили на масленицу и первую неделю Великого поста и также обратно, а там на Пасху, и наконец, уже недалеко до вакации – на самое продолжительное время; но только не для всех утешителен этот отпуск, так как этим отпуском может пользоваться тот, кто выдержал экзамен и переведен в следующий класс, а кто не успел, тому приходится все лето готовиться дома и на сердце все непокойно.

Кончились уроки в тот год, помню, 31 мая, на подготовку к экзаменам дано нашему классу пять дней, и значит, 6 июня отпустят совсем. Время стояло очень хорошее, теплое и ясное, по окончании уроков дозволили нам заниматься в саду, который был при училище, и надо сказать, что сад был очень хороший, липовые деревья, вязовые, клен и разные другие деревья. Везде тропки были осыпаны желтым песком, построены разные беседки. Экзамены сошли благополучно. Гуляй вакацию всю, ни о чем не думай.

Получивши билет отпусковой, с радости пошел в город и там присланные деньги на дорогу все истратил, осталось только 15 копеек, ехать на них далеко не уедешь. Ну что ж, тужить не буду, дни не куплены, не в два, не в три дойду пешком до дому. Так и сделал. Пришедши на вокзал, выправил билет до Боголюбова, отдал 14 копеек. Копейка осталась на развод, что хочешь на нее, то и покупай! Доехавши до Боголюбова, слез на станции, смотрю, начало светать, что мне сидеть попусту; я, взявши котомку, пустился в путь-дорожку по железной дороге; пройдя верст семь, нагоняю попутчика – мальчика равного мне годами, который тоже шел из Владимира на родину до станции Новки. Обрадовался я товарищу, и пошли вдвоем, да так весело, что не заметили, как дошли до Новок, это было расстояние верст 35, и вот тут-то для меня наступила тяжелая минута расставания с попутчиком, который в Новках отыскал своего дядю и отправился по другому направлению в свою деревню. Делать нечего, авось еще найдется попутчик. Но, к сожалению, не оказалось мне попутчика.

Я, не зная направления пути, по ошибке попал на Шуйскую Ивановскую дорогу и прошел уже верст 8, стало солнышко уже садиться, надо было подумать о ночлеге. Вижу в саженьях 20 от дороги стоит деревня, я, недолго думавши, свернул в нее и выпросился ночевать, спросил, далеко ли до города Коврова, мне сказали, что верст 10. Как же это так, почему не на этой дороге он стоит; тогда мне объяснили, что я не по тому пути пошел из Новок. Меня успокоили, что завтра утром много пойдет народа в город и я пройду с ними покойно. Когда пригнали табун, то меня накормили, напоили очень хорошо и уложили спать. Я, как уже уставший, недолго думая, лег, зевнул да тотчас и заснул. Вставши раным-рано до восхода солнышка, спросил дорогу в город Ковров, поблагодарил за ночлег, за хлеб и соль и пошел в путь-дорожку. Шел не торопясь, утро было хорошее, пойду, пойду да сяду, время идет, стал нагонять меня народ, и я очень был рад и доволен, что иду не один. Вот сел посидеть на тропке, и подходит ко мне женщина, она спросила меня: “Куда идешь, молодой странничек?” Присела ко мне, все расспросила: “Есть ли у тебя чего поесть и есть ли на дорогу копейки?” Я открылся ей по чистой совести, что ни того ни другого не имею, кроме как одной только копейки. Она пособолезновала мне, развернула узел, дала мне хлебца, пирожка и еще чего-то, да говорит: “Вот придем в город, я там тебе дам

сколько-нибудь копеек на дорожку”. Я поблагодарил ее и пошел с ней. Пришедши в Ковров, она мне действительно дала 10 копеек и еще купила две булki и направила меня на путь, по которому я должен был идти дальше.

Вышедши из Коврова, я пошел далее веселой поступью, зная, что у меня в сумке есть чего поесть да и деньжонки, хоть немного, а для меня дороги были эти гроши. И так весь день шел и дошел этим днем до своей родной станции, но уже захватил ночь, так что мне пришлось ночевать на станции, а утром до обедни прийти домой. Так и вышло: как распланировал, так и сделал, – как раз ударили родные колокола, и я явился под кров родной семьи. Что было у меня радости, когда я увидел всех в полном благополучии, не могу даже и описать. Одним словом – дома, на полной свободе, в кругу своих родных.

Дня два не выходил из дому никуда, дал вполне отдохнуть после странствования ногам, потом стал ходить с матерью на стойло доить коров: она с дойницей в табун, а я на овраг, так назывался пруд, в котором мы, покудова мать доила коров, купались. Весело было, как вспомнишь! Так время шло, ни о чем не помышлялось. Пришло время и работы: сначала косили лужки с отцом, сушили траву, убирали в сенницу, а там и рожь поспела. Ходили в праздничный день в поле с отцом и матерью смотреть на рожь, годна ли жать. Ну что за раздолье, что за приволье, – подойдем к речке, искупаюсь, и к вечеру возвращаемся домой, где уже сестры приготовили чай. Бежишь в сад, нарвешь вишен, малины, смородины и крыжовнику, которых у нас было вдоволь, и после гулянья как приятно посидеть за столом, попить чайку и закусить. Да, действительно, было золотое время, которое уже не вернется более, так что, детки, дорожите этим временем, когда еще нет у вас за родителями никакой заботы и печали.

Пришло время жать рожь. Отец и мать с серпом, и я с ними, хотя не с охотой, но, не показывая виду, иду, и жнем с утра до вечера. Рад-радешенек, когда настанет вечер, невольно стараешься торопиться нажать сноп-другой, зная, что вот-вот скоро домой. Время идет, кончили жнитво, тут стали возить снопы; свозивши их, давай хлыстать-молотить, убирать солому и так далее, а тут и сев. Незаметно было, как время пролетело, вот уж и праздник Успения Пресвятой Богородицы, скоро-скоро и обратно ехать учиться. Ох, как не хотелось, но ведь надо же ехать, будет, и погулял, и поработал, и пора уже взяться за дело. И так смиришься со всем этим и ничтоже сумняся отправляешься.

22 августа нужно было уже собираться в путь-дорожку. Мать, конечно, заботилась о брашном, а отец собирал телегу и все, что касается его отцовского попечения. К вечеру уже все было готово; помолившись Богу, простившись со всеми родными и знакомыми, сели на телегу и поехали на вокзал. В последний раз взглянул я на свое милое родное село, вспомнил все свои места, и невольно стало грустно: Бог весть, увижу ли опять. Приехавши в училище, отстояли молебен перед учением, на другой день сели за парты и начали уже заниматься уроками.

Так день ото дня стало все домашнее забываться, и вошло все в обычную колею – дело пошло, как говорится, по маслу. Как прошел этот год, упоминать и писать не буду, особенного ничего не произошло, а вот когда кончились экзамены, то опишу путешествие на вакацию. По окончании экзаменов и перешедши в другой класс, я со своим товарищем Николаем Георгиевским уговорились идти домой пешком, ему нужно было до Коврова; его мать жила в больнице сестрой милосердия, так как она была вдова, а место после мужа было предоставлено зятю, и она, не желая питаться при своей еще силе зятевым куском, поступила в больницу; и вот все наше намерение было добратсья до

Коврова и тут на свободе отдохнуть.

Пришедши в город Ковров, нам нужно было пройти весь город; грязи было велие в городе, но это всё нипочем. Пришли в больницу часов в 8 вечера, нас там не ожидали, и как нас встретила радушно старушка-мать Георгиевского, сколько у нее было радости, сколько было заботы о нас; в этот день в больнице топили баню, и она нас послала мыться, дала нам чистое белье, и мы так прекрасно обогрелись и помылись, что никогда так не мывались, как в этот раз. Вставши утром, смотрю день красный, ведренный, говорю товарищу, что ухажу, он меня уговаривать: “Погоди, погуляем денька два здесь”. Но я ни на какие просьбы не согласился и, попивши и закусивши как следует, пошел восвояси. Весь день шел до своей станции и пришел уже на ночь на свою станцию, где ночевал, и утром уже пошел домой. Хотел пройти попрямее, да и заплутался, пришел не знаю сам куда. Какое-то болото большое. За болотом деревня: думаю, это ведь деревня Воронино, как я попал в нее не с той стороны? Ведь только перейти это болото, а тут в горку подняться, и рядом село родное. Недолго думавши, решил идти болотом, иду, иду, все глубже да глубже тону и вязну, думаю, как бы не увязнуть совсем, подумал идти назад, но уже и мой след пропал, страшная топь – и никого нет. Что делать, ведь надо же выходить. Господи, выведи меня на путь истинный, скажи мне, Господи, путь мой, имже аз пойду. И что же, откуда ни возьмись – птичка, называемая пиголкой, вьется около меня и пищит, я думаю, что же это такое значит, давай, думаю, пойду за ней, куда она полетит. Она от меня, я за ней, и что же вижу – тропка хорошая, торная, я ею и пошел, и пиголка моя пропала. Я этой тропинкой вышел на настоящую трактовую дорогу и дошел благополучно до дому, где, конечно, было радости несть конца. Одним словом, лето провел блестяще, хотя и много поработал в поле со своими отцом и матерью. И так прошло лето, опять надо ехать учиться.

Так шло время, дни за днями, месяц за месяцем и год за годом. Стал уже со временем и я взрослый и разборчивый. Стал просить родителей хорошей обуви и одежды, но как родитель мой был за штатом, то средств никаких не имелось. Видя положение отца, говорю ему: “Давай, отец, подадим прошение о полном казенном содержании”. Отец, недолго думая, написал прошение к архиерею, и я после вакации лично подал. Архиерей же дает запрос на мое прошение в училищное правление следующего содержания: “На каком основании Восторгов просит казенного содержания, так как он принят на полное содержание со дня поступления в училище?” Значит, прошением я задел амбицию смотрителя училища протоиерея Введенского, он вызвал меня в правление и начал мне читать нотацию: “На каком основании ты подал прошение архиерею, а не мне?” Я, конечно, сослался на родителя. И вот с этого времени воззрение на меня стало обостренное. Преподаватели все были то сын смотрителя, то зять, то сват, то племянник. Хотя и выдали мне казенное содержание, но все восстали против меня. Вместо того, чтобы поставить мне балл 3, стали ставить 2 и менее, так что, как ни старайся выучить, все-таки чем-нибудь да доймут, и подвели меня тем к исключению, не дав доучиться одного года, даже с четверкой за поведение, хотя за всю бытность учения не было ни одной четверки – одни пятерки.

Ну что же делать, надо смириться. Пошел к архиерею просить о включении меня в училище, на что архиерей сказал: “Я могу настоять на принятии тебя, но предупреждаю, что тебя все равно сотрут, а пока время не опоздало, иди в Суздаль и держи там экзамен”. На что я согласился и, действительно, выдержал экзамен, но содержания мне нет никакого, а родители отказались по

несостоятельности. И так мне пришлось ученье оставить.

Иду обратно во Владимир, подаю прошение на трехмесячные курсы в школу пения, где мне отказали до 1 января. Я, стесняясь проживать дома у отца, решил уйти в Суздаль и там поступил в Спасо-Евфимиев монастырь послушником, где и прожил три года. Имел намерение поступить куда-нибудь на псаломщическое место. И вот дядя мой, бывший псаломщиком в селе Юрьевского уезда, задумал меня устроить поближе к себе во псаломщика. Он вызвал меня, и поехали мы с ним смотреть невесту, так как место было предоставлено сироте. Невеста понравилась мне, сделали условие, помолились Богу, и дело только за архиереем. В то же время на место псаломщика в этом селе был временно поставлен окончивший курс семинарии до возраста невесты. И тогда мне пришлось дожидаться до тех пор, пока не уйдет этот псаломщик. Я, конечно, остался в первобытном состоянии в монастыре, известив родителей, что в недалеком будущем выйду на место, что им показалось неприятным, ввиду того, что далеко от них, и просили меня отказаться, но я отказаться не мог ввиду того, что меня владыка зачислил уже кандидатом на сие место. Тогда отец мой перевел меня из Суздальского монастыря в Вязниковский, который находился в 15 верстах от родины, известив, между прочим, и невесту мою, чтобы приискивала другого кандидата, а меня не считать.

Итак, живу на новом месте в Вязниках, и живется хорошо, ни о чем не думая. Вдруг в мае месяце призывает меня игумен к себе на объяснение: “На каком основании тебя вызывает епископ Тихон?” Я, конечно, сначала усомнился и не мог ничего по поводу этого объяснить игумену, но потом догадался, что, наверное, вызывает меня владыка по поводу места, на которое я был назначен кандидатом. Делать нечего, надо было ехать во Владимир. Приехавши во Владимир, являюсь ко владыке и, к удивлению моему, вижу в прихожей названную тещу, которая, увидев меня, с претензией говорит: “А я нахожусь в страшной заботе, где тебя найти, так как место оказалось уже свободным, в противном случае дочь моя должна лишиться места”. Я ей в ответ говорю, что дело меня не касается. “Как так! Ведь ты считаешься кандидатом, и потому тебя владыка и вызывает для объяснения”. Я подхожу к келейнику и говорю, чтобы он доложил владыке о моем приезде. Келейник тотчас доложил владыке, и вот выходит владыка, я к нему к благословию, он, благословивши меня, говорит: “Ну что, обманщик, явился?!” Я говорю: “Я, владыка, не желал и не желаю обманывать, тем более сироту, а что отказаться, я действительно отказался ввиду того, что не хотел идти против воли родителей, которые мне благословения на это не дали, и он же сам, мой отец, писал ей, то есть этой вдове, отказ, от которого, вероятно, эта вдова не откажется”. – “Да, правда, было мне известие, но ведь у меня в такой краткий срок не находится кандидат”. Тогда владыка ей сказал: “Если ты не найдешь кандидата в недельный срок, то я буду считать это место праздным. Иди и ищи кандидата стоящего”. А я, получив благословение от владыки, отправился восвояси.

Два года я прожил в Вязниках и потом перешел в Боголюбов монастырь, в котором жил немного. Бывший иеромонахом Сергей (Меморский) был назначен настоятелем Введенской Островской пустыни, он взял меня с собой, и я с ним переехал туда, где был у него келейником и секретарем и прожил полтора года очень хорошо.

Хорошо жилось на этом месте, но желание родителей пристроить себя на более прочное место заставило меня задуматься над этим вопросом. Годы мои

еще были невелики, а именно двадцать лет, воинская повинность мне не угрожала, так как я был один сын и притом уже вышедших из годов родителей при трех сестрах-девицах. Было намерение остаться в монастыре и со временем принять монашество, но, зная, не судьба быть монахом, а быть семьянином.

Наступил 1897 год, я на масленицу отпросился навестить своих родителей и, пробывши всю неделю, возвратился обратно на свое место. По приезде мне предстояло много работы по письмоводству и прочим монастырским делам. Было распоряжение игумена ехать мне в город Покров, развезти деньги по заборным книжкам в магазины, как-то: в чайный, галантерейный, мануфактурный и мучной, в которых монастырь забирал товары весь год, и по прошествии года монастырь рассчитывался и обратно забирал вновь. Так вот мне и пришлось развезти деньги по купцам, которым надо было раздать около шести тысяч рублей. Раздавши все деньги, получивши расписки в получении денег, по окончании всего поздно вечером возвращаюсь домой, вхожу в свою келью и вижу незнакомую пожилую женщину, которой я поклонился, но не спросил, кто она и по какому делу приехала, а занялся разбором своих бумаг, чтобы сдать отчет игумену. Прихожу к игумену, сдаю ему все должное, и по сдаче игумен мне говорит: “Тебя, Николай, приехали сватать на место во псаломщики в погост Горицы Муромского уезда; если желаешь, то немедля поезжай во Владимир”.

Я, конечно, был озадачен этим, и не хотелось мне уходить, но игумен уговорил меня идти: “Если только понравится тебе место и невеста, то не упускай этого места, да и успокой своих родителей, которым желательно, чтобы ты жил оседло”.

Недолго думая, решил и, помолясь с игуменом Господу Богу, получив благословение, поехал с этой женщиной, то есть названной тещей, она и была та самая мать невесты, которой было предоставлено право на приискание дочери своей жениха на место умершего мужа. До прихода поезда оставалось полтора часа, а ехать до станции надо семь верст, времени мало. Игумен распорядился дать мне подводу с самой хорошей лошадей. И действительно, мы успели на выправку билетов и, таким образом, приехали во Владимир.

Во Владимире нас дожидался один священник-старичок, отец Петр Кедров, который тоже хлопотал перед владыкой об отсрочке для приискания жениха. И вот я тут узнал доподлинно о месте и невесте, которую еще не видел. Когда мы приехали, то он отправился домой, а мы остались до утра в номерах. Поутру, вставши, надо было идти к владыке, который велел подать прошение. Я тотчас написал прошение и подал ему. Он, проэкзаменовавши меня, смотрю, пишет резолюцию: “Определяется”. Я усомнился, как же это могло быть, что я определен, а ведь невесты не видал, а вдруг не понравится, как же так будет против моего желанья?

Но наши епископы, одаренные благодатью свыше... и как сказать, узнал владыка мою мысль и задал мне вопрос: “Хорошая невеста-то?” Я встал на колени и говорю, что я еще не видел ее. А владыка и говорит: “Я уже тебя определил, и ты иди не сомневайся, невеста хорошая”.

Получив благословение, беру резолюцию и отправляюсь в консисторию за получением указа. Да, рискованно я тогда поступил, но, стало быть, судьба быть тому. Сколько было невест и плохих и хороших пересмотрено, а эту, не выдавши, решил взять...

Приехавши в город Муром рано утром, это было 5 марта 1897 года, с вокзала пошли мы к тещиному зятю Николаю Платоновичу Лебедеву, который

был псаломщиком Космо-Демьяновской церкви. Названная теща нашла подводу до погоста Горицы, который находился от Муром в 30 верстах. Выехали из Мурома около 3 часов пополудни; день был очень тихий, морозный и ясный, дорога хорошая, – одним словом, повезло, как и должно быть. Подъезжаем к месту цели, стало темнеть, и по мере температуры стала меня прошибать дрожь. Спрашиваю тещу: “Далеко ли до места?” Та в ответ: “Вот подъезжаем к последней деревне нашего прихода Сонину, а от нее одна верста до погоста”. Въезжаем в Сонино, смотрю, деревня большая, но из всего стало заметно, что тут жители живут по старине, черно и грязно. И начинаю задаваться вопросом, как мне будет привыкать к такой темной жизни крестьян, так как я находился все время среди более чистых и интеллигентных людей! Что будет, то тому и быть. Смотрю, направо мелькают столбы и деревья, это было кладбище. Ну, думаю, значит, скоро доберемся. И только кончилось кладбище, рядом с ним стоит дом об трех окнах налицо, и сбоку на кладбище одно – лошадь к нему, и действительно – это был тот дом, в котором судьбой и Промыслом Божиим мне назначено жить. В доме был огонь, на стук в сенную дверь вышел молодой человек, это был брат невесты Федор, товарищ мой по детству, с которым жили вместе во Введенском Островском монастыре; я очень был рад ему, что свой друг, стало повеселее и посмелее.

Помолившись Богу, поздоровался, раскланялся со всеми, кроме невесты, сел за стол, начались разговоры, во время которых был приготовлен чай и вся, и вся благая. Со вся благая вышла и сама невеста, с которой пришлось познакомиться и которая действительно была очень красивой барышней и степенной и мне сразу понравилась. Что ж! Надо молиться Богу и начать служение.

Был позван священник отец Андрей старичок, диакон и его жена, все вместе помолились Богу, и началось пиршество. На другой день я, уговорившись обо всем, отправился обратно с этим же извозчиком в Муром, а из Мурома во Владимир за указом и на место своего бывшего пребывания в Введенскую пустынь для сдачи своей обязанности и проститься с братиею и престарелым игуменом Сергием, которого мне очень жалко было покидать, да и ему было очень жаль меня, так как я у него был верным, трезвым и исправным человеком, – на некоторых из братии невозможно было положиться и надеяться на исправность дел, какие я вел: секретарское, экономическое-расходническое и распорядительное.

Итак, распроставшись со всеми, отправился, навсегда оставив обитель, в пределы родителей своих, которые ничего еще не знали обо мне. В последний раз взглянул на место своего пребывания и на величественный красивый собор, на красу озера и его окружность, невольно слезы потекли из глаз. По мере скорой езды исчезло все из глаз и стало грустно-грустно, – и как-то будет привыкнуть к новой семейной жизни, будет она счастлива или несчастлива. Все это мешалось в голове, и получался в голове какой-то хаос. Ну, думаю: “Без Бога ни до порога, не я первый, не я и последний, всё в руках Божиих!”

Приехавши в дом своих родителей, я сообщил им о назначении меня на штатное место со взятием сироты-девицы, с которой брак должен быть после Пасхи в неделю мироносиц, чем родители были удивлены и, с другой стороны, очень рады, что я пристроился к оседлому месту. Дело это было на третьей неделе Великого поста; к неделе Крестопоклонной я должен был уже отправиться на место служения, а потому на следующий день пошел вместе с родителями в

свой храм к литургии Преждеосвященных Даров и, помолясь в последний раз, отслужив напутственный молебен пред иконою Богородицы “Нечаянной Радости”, отправился на место служения. Приехавши, поселился в доме невесты, хотя и неудобно было, но не было квартиры, так как погост Горицы находился отдельно от селений, здесь жило одно духовенство: священник, диакон, псаломщик; была церковная сторожка и более домов никаких – ввиду этого и пришлось стать в дом невесты. Очень, очень неудобно было проживать, но, благодаря братьям невесты, привык, хотя глупостей ни с той, ни с другой, впрочем, стороны не было, а жили так, как и подобало по всем правилам закона жить: честно, благородно и богобоязненно.

Вот настала Пасха Христова, я взял отпуск на всю неделю Фомину, приготовиться к дню свадьбы, и потому отправился на свою родину пригласить родителей на свадьбу. Приготовивши все что нужно, отец, мать, сестра и я отправились на вокзал. Мать с сестрой, захвативши багаж, поехали на лошади, а я с отцом без всякой поклажи пошел пешком до станции. День был чудный, ясный, деревья стали распускаться, птички поют, в поле народ пашет, а жаворонок непрерывно, не умолкая тянет свою звонкую песенку – одним словом, раздолье. Не торопясь идем с отцом, наслаждаемся природой, присядем... и займемся разговорами. Ах, как чудно и приятно было! Но того уже больше не увидишь и не ощутишь! К вечеру добрались мы до села Ильинского, где ночевали у теток, так как поезд должен был прийти в 5 часов утра. Наутро все вчетвером пошли на станцию, расстояние четыре версты, и пришли как раз к самому поезду.

В погост Горицы приехали поздно, около 11 часов ночи, наскоро попивши чайку и закусивши, завалились спать кто где – кто на сушилах, кто в сенях, кто в чулане, кто в доме, и заснули мертвецки от такого путешествия. Наутро, то есть в Неделю мироносиц, по первом ударе колоколов отец пошел в храм к утрени, я же истомился и спал крепким сном, но зато к обеду пришел к началу, и, отслуживши оную, стали делать разные приготовления к свадьбе, которая предполагалась около шести часов вечера. Вплоть до вечера суетились, хлопотали, готовя, что было нужно. Но вот, наконец, приходит диакон с обыскной книгой, в которой я и невеста расписались, и диакон, получивши гонорар и выпив водочки, отправился в церковь, где уже дожидалось много народу в ожидании скорого венчания. Священник, благословивши крестом жениха и невесту, повел в храм, где уже дожидался любительский хор певчих. Началось венчание, по окончании коего повели молодую чету в венцах в дом, по провозглашении многолетия диаконом брачующимся и воспитавшим их родителям пошли поздравительные тосты и крик: “Горько, горько, горько!” И пошла пляска рукава стряхня, одним словом, как и везде и всюду водится.

Три дня пропировавши, поехали на родину. Была запряжена повозка двумя лошадьми, одна своя собственная и другая пристяжная нанятая. Поехали вшестером: я, отец, мать, сестра, молодая жена и брат жены Федор. Около 5 утра подъехали к дому, в котором оставались старшие сестры. Постучались, они проснулись, отперли ворота, встретили, поздравили с законным браком. Так как было рано, то мы завалились спать, а мать начала готовить брашна. Приготовив всё, разбудили нас к чаю, и пошло опять пиршество. Очень хорошо провели время, прогостили целую неделю, надо было возвращаться домой, так как у нас в Горицах престольный праздник 9 мая святителя Николая чудотворца. Взяли у отца другую повозку, запрягли лошадей в разнопряжку и поехали восвояси»¹.

В 1915 году Николай Евдокимович был рукоположен во диакона и направлен в село Дедово Муромского уезда. Там он прослужил до 1927 года, когда уже вовсю шли гонения, и в апреле этого года он был рукоположен во священника к церкви села Голянищево. Через год отец Николай переехал служить в село Чулково Вагского района Нижегородской области и прослужил здесь до дня и часа ареста. В середине июля 1929 года местные власти объявили священнику, что он будет непременно выселен из церковного дома. Прихожане, однако, выразили протест против незаконных действий властей, тем более что дом священнический был построен самими крестьянами, и они подали прошение с ходатайством не выселять священника. Власти расценили эти действия как бунт народа против коммунистической власти и в начале августа арестовали священника и вместе с ним двух крестьян, заключив их в тюрьму в городе Муроме.

Из тюрьмы отец Николай писал детям: «Любимые мои детки и внучки, благоденствуйте! Уведомляю вас, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Как я вам благодарен за ваше ко мне сочувствие. Так как ведь я человек бездельный и аппетит плохой, ничего не хочется, все время я свой паек отдаю, а питался тем, что вами присылалось. Теперь вы меня снабдили надолго и, кроме известия о себе и наших, ничего не шлите. Я, когда выйдет, попрошу у вас, но, надо сказать, что ведь вы сами сидите на пайке и мне приходится пользоваться вашим пайком, а у себя урезаете, чтобы этого не было. Я, как человек бездельный, могу и день и два пробыть без пищи, а вам и малым детям этого недопустимо. Живу я и скорблю о доме, что там делается, как там дела; мне совершенно ничего не известно. Приходит ночь, ляжешь, а в голову лезет всякая нелепица, вертишься, вертишься, так и не уснешь, да, прямо сказать, какое и спанье-то, чуть не на голых досках, покроемся подрясником, а кулак в голову – и спи сладко; поневоле сядешь, да и давай заниматься охотой на “белых зайцев”. Но надо сказать правду, что вот сижу уже почти две недели, а паразитов еще не находил, а чувствуется, что кусают. Всё это ничто, всё перенесу – лишь бы Господь Бог дал здоровья мне и вам, а то всё пройдет.

Опишите мне, что едят из дома и как они себя чувствуют. Что касается меня, то мне допросу еще не было, не могу знать, будет или нет. Хорошо бы с вами повидаться, но раз мне не было допроса, то, пожалуй, невозможно будет, а хлопотать я не знаю где и как, и посоветоваться не с кем. Да, детки! Приходят великие праздники, а мне приходится быть без службы – как это для меня тяжело и больно; чуть услышишь звон, и невольно сердце обливается кровью, погрустишь и в душе помолишься, и тем довольствуешься. К счастью моему, в камере нашей собрались все верующие, так что и помолишься иной раз, как и дома, и не слышишь со стороны никаких насмешек, одно только, что нет таких духовных книг, которые бы почитал я с великим удовольствием.

Благодать, мир и любовь да ниспошлет на вас Господь Бог и благословение Господне на вас Того благодатию и человеколюбием всегда ныне и присно и во веки веков.

Остаюсь ваш отец, священник Николай Евдокимович Восторгов».

22 августа следователь вызвал священника на допрос. Отвечая на вопросы, отец Николай сказал: «В апреле 1927 года ко мне в село Дедово, где я служил диаконом, пришел член церковного совета из села Голянищево и предложил мне занять в Голянищеве свободное место священника, на что я и согласился. Прослужил год с месяцем в селе Голянищево, мне предложили место

священника в селе Чулково Вагского района, куда я в июне 1928 года и перешел, где и служу до сего времени.

По приезде в Чулково по указанию председателя церковного совета и церковного старосты я занял дом при церкви, который до меня также был занят священником Миролюбовым, которого я сменил. Этот дом по договору от 1928 года находится в арендном пользовании как церковный. По мнению же церковного совета и других прихожан, этот дом является собственностью общества, так как его строили прихожане церкви с помощью бывшего владельца сундучных мастерских Тулупова. Я за занимаемый дом никакой платы не платил, и платил ли церковный совет, также не знаю. Усадьбы при церковных домах взяты в распоряжение ВИКа. При отборе усадеб никаких конфликтов не было. Весной 1929 года был взят дом, ранее занимаемый диаконом, но последнее время он пустовал, и при занятии его также не было никаких конфликтов. Как дома, так и усадьбы до сих пор значатся в церковной описи. На площади около церкви еще до моего приезда в Чулково был поставлен турник для спортивных упражнений молодежи. Весной 1929 года около церкви были поставлены ворота для игры в футбол. Со стороны прихожан приходилось слышать некоторые недовольства и заявления, что турник и ворота поставлены не у места, тем более были случаи, что игра производилась во время церковной службы, и шумом и криком мешали службе. Недели через две-три после того, как были поставлены столбы, намечалось общественное собрание, которое, видимо, не состоялось. Из числа явившихся на собрание женщин, около тридцати, начали выдергивать столбы и турник. Я видел это из окна своего дома, но из дома не выходил и не знаю, кто именно ломал ворота и турник, а также не видел ни одного мужчины, может быть, мне не было всех видно, так как ворота стояли по другую сторону церкви от моей квартиры. Я лично не выходил из дома и ни о чем ни с кем не говорил, так как собрание собиралось общественное и мне туда идти было незачем. После разговоров по этому поводу я ни с кем не вел. Не помню, когда точно, но до случая ломки футбольных столбов и турника у меня был повыдерган лук, посаженный в огороде. После того, как изломали ворота и турник, женщины подходили к нашему дому и спрашивали, верно ли, что у нас повыдерган лук. Моя жена ответила, что верно, выдергали. На вопрос: кто? – жена моя ответила, что не знает, но предполагает, что, видимо, пионеры.

При хождении с молебнами по селу Чулково 14 и 15 июля у некоторых граждан приходилось несколько и посидеть, так как некоторые угощали, но у кого именно, всех не припомню; разговора о выселении меня из дома не было. В каких домах мне задавали вопросы, что правда ли, что меня выселяют из дома, я сейчас забыл, но такие вопросы были. После объявления о моем выселении из дома со стороны председателя сельсовета я ходил к церковному старосте, а к председателю церковного совета ходила моя жена. После того как я пришел в сельсовет с церковным старостой, то, насколько помню, председатель церковного совета был уже в сельсовете. Разговоров между нами никаких не было, а оба они заявили председателю сельсовета, что выселяться батюшке они не разрешают. Я ушел из сельсовета один, а после вскоре на площади около церкви мимо сельсовета к моему дому подошла толпа женщин. Церковный староста и член церковного совета заходили ко мне, чтобы я написал им заголовок приговора. Я им написал заголовок такого содержания: церковный дом, занимаемый священником, строился трудами верующих и снят по договору от 1928 года».

После допросов отец Николай и крестьяне были освобождены до суда под подписку о невыезде из села. 23 сентября следствие было закончено. Отца Николая обвинили в том, что он, «не имея официальных извещений о выселении из занимаемого им бывшего церковного дома, при хождении с молебнами по селу обращался с жалобами и за защитой к населению, подстрекал председателя церковного совета и церковного старосту к созыву собрания по вопросу о его выселении и, не получив разрешения на созыв собрания верующих, посылал созывать на собрание население, в результате чего и явился организатором общественного беспорядка, который мог бы вылиться в террор над партийно-советскими работниками; руководил сбором подписей, редактировал и писал заявления».

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Николая к трем годам заключения в концлагерь, а двух крестьян – к шести месяцам лишения свободы. Священник был заключен в 4-ю роту Соловецкого концлагеря на Большом Соловецком острове. Вскоре после прибытия в лагерь он заболел тифом и был помещен в лагерную больницу.

Священник Николай Восторгов скончался на главном Соловецком острове в центральной больнице Соловецкого лагеря особого назначения 1 февраля 1930 года.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь».
Тверь. 2005. С. 162-186

Библиография

Священник Николай Восторгов. Воспоминания. Рукопись.

Священник Николай Восторгов. Письма. ГАНО. Ф. 2209, оп. 3, д. 8376.

Примечания

---

¹ Священник Николай Восторгов. Воспоминания. Рукопись.